



НОВАЯ ПОЛЬША 11/2000

Содержание

1. НЕ НАУКА ВИНОВАТА, А ЛЮДИ
2. ПОИСКИ «АНТИ-КАТЫНИ»
3. ФАКТЫ О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1919–1921
4. КРАСНЫЕ КАЦАПЫ И ПОЛЬСКИЕ ПАНЫ
5. ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА С ЯНОМ КАРСКИМ
6. О МИРОНЕ БЯЛОШЕВСКОМ

НЕ НАУКА ВИНОВАТА, А ЛЮДИ

– Вот уже 13 лет, как Вы перестали писать научную фантастику, а публикуете лишь серьезные эссе и очерки, посвященные главным образом проблемам, связанным с современной цивилизацией. Вы комментируете достижения науки и техники, затрагиваете социальные и политические науки, философию. И все равно Ваши книги стоят в магазинах на полках с научно-фантастической или детской литературой.

– Ну что ж, в Польше меня по-прежнему считают писателем «для детей» – быть может, потому, что «Сказки роботов» и «Повести о пилоте Пирксе» включены в школьную программу. Многие польские критики вообще не читали моих повестей и рассказов, заранее наклеив на меня этикетку с пренебрежительной надписью «фантаст». Зато в России меня знают как ученого, а вот в Германии, где я известен больше всего – больше чем у себя на родине – меня считают философом, и именно так меня определяет немецкая энциклопедия: «философ».

Я заметил, что то, что я придумывал как научную фантастику, теперь стало темой вполне серьезных научных работ из области физики, химии, биологии. А когда фантастические идеи из художественной литературы переходят в научные лаборатории, то это значит, что само существование научной фантастики как литературного жанра теряет смысл. Что же мне оставалось делать? Меня не интересует фантастика как таковая (американцы называют этот жанр «fantasy»), то есть чистый вымысел, без какой-либо научной основы. Поэтому я и занялся эссеистикой. А потом услышал такие комментарии, что, мол, Лем сбежал в космос от соцреализма, и вернулся на Землю, когда соцреализм кончился.

Какая-то доля правды в этом есть. Можно сказать, что я сбежал в космос от цензуры и соцреализма, пытаюсь заняться проблемами, которые не исчезнут вместе с падением политической системы. Тогда я и занялся научной фантастикой, и благодаря ней постепенно вырвался на свободу.

– Для Ваших последних книг характерны пессимистические настроения. У меня сложилось впечатление, что Ваше отношение к окружающему нас миру пережило эволюцию от оптимизма, которым были насыщены такие Ваши ранние повести, как «Астронавты» или «Облако Магеллана», через менее радостные,

но хорошо кончающиеся истории о Ийоне Тихом или профессоре Трурле, и вплоть до трагически звучащих последних повестей «Мир на Земле» и «Фиаско», из которых следует, что люди никогда не перестанут убивать и уничтожать друг друга. То же самое можно сказать и о Ваших последних сборниках эссе – «Мегабитовая бомба» и «Мгновение»: они переполнены опасениями в связи с последствиями развития информационных технологий и вообще в отношении будущего рода человеческого.

– Что Вам сказать... Когда я был молод, я был, если можно так выразиться, прагматическим оптимистом. Однако с возрастом я все отчетливее осознавал, как постыдно использует человечество достижения науки и техники. Люди открыли ядерную энергию – и тут же изобрели атомную бомбу и уничтожили целый город. Цивилизованные, демократические, прогрессивные страны продают смертоносное оружие странам «третьего мира». Был изобретен Интернет, который должен был стать хранилищем знаний человечества – а стал вдобавок местами глупости, мошенничества, воровства, порнографии, педофилии, злобных выходок. Телевидение во всем мире предоставляет безграничный простор насилию и убийствам. Мы расширяем границы познания – а вместе с ними и границы преступления. Как же я мне писать, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, когда дело обстоит как раз наоборот?

– В своих последних книгах Вы выражаете свое весьма прохладное, если даже не враждебное отношение к техническому прогрессу.

– Знаете, технический прогресс – как бритва: можно просто побриться, а можно и горло перерезать. Все плоды технического прогресса могут быть поставлены на службу людям, а могут стать и орудием убийства, и отравой. Ученые не отвечают за то, каким образом политики используют их открытия. Вот говорят, что американцы первыми высадились на Луне, а ведь дело там было вовсе не в Луне. Это была гонка чисто политического характера. Вся космонавтика – это побочный полезный продукт массового производства межконтинентальных баллистических ракет. Научный прогресс несет с собой как добро, так и зло.

– Не усматриваете ли Вы конфликта между гуманистическим подходом с его идеалом общечеловеческих ценностей и технологическим, где главным критерием является эффективность?

– Во-первых, сегодня довольно трудно было бы определить, что, собственно, означает само понятие гуманизма. Если,

например, нам с Вами было бы сравнительно нетрудно прийти к общему мнению насчет общечеловеческих ценностей, то уже японец или, скажем, нигериец вполне могли бы с нами поспорить. Не следует забывать, что Европа – это еще не весь мир. Во вторых, гуманистические идеалы не могут остаться неизменными в потоке всеобщих перемен. Любые гуманистические идеалы останутся пустым звуком, если у них не будет поддержки общественной, а не рыночной. Сегодня мы наблюдаем, как приближается возможность манипуляций капиталом, особенно в области биотехнологий. К тому же информатика ускоряет процессы глобализации. Элитарной культуры практически уже нет – всё становится элитарным, начиная с детективной литературы и фильмов ужасов, и кончая современной science fiction, которую я, кстати, просто не люблю. Все подтягивается под один ранжир, все рекламируется как продукт одинаково высокого качества.

- Лучшее – это то, что лучше всего продается, а лучший писатель – тот, кто больше всех заработает на своих книгах.

- Именно. Сегодняшняя ментальность ставит критерий количества выше критерия качества, а дату создания «продукта» переносит в область, где применимо понятие ценностей, по простейшей схеме: последняя модель автомобиля лучше модели трехлетней давности, холодильник этого года выпуска лучше прошлогоднего, а только что изданная книга лучше, чем книга, например, Жеромского. Тем более, что Жеромский давно умер...

Вы правы, в культуре наступила подмена критериев: диктат популярности – это диктат денег.

- По Вашему мнению, смогут ли электронные СМИ вытеснить в будущем традиционную книгу?

- Нет. Пока будет существовать род человеческий, будут существовать и книги. «Галактика Гутенберга» не находится под угрозой: за ней стоит огромная сила традиции, привычек. Электроника предлагает нам иной вид контакта – визуальный. Чтение в большей степени способствует размышлению – хотя, разумеется, людей, стремящихся к знанию, гораздо меньше, чем ищущих легкого развлечения. Направление развития электроники удивило застало меня врасплох лишь постольку, поскольку я не ожидал, что электроника выбросит на рынок такое гигантское количество разнообразных игр, которые служат лишь для того, чтобы убить время – впрочем, этой же цели служат и дурацкие телевизионные передачи. «Убить время» – само выражение звучит жутко: самую суть нашей

жизни мы готовы убить молотком, который называется «игра» или «телевидение».

– Огромным успехом пользуются компьютерные игры и фильмы из разряда «научной фантастики». Что Вы о них думаете?

– Они отвратительны, С наукой они вообще не имеют ничего общего. Они показывают космос, где обитают, как правило, туповатые внеземные цивилизации, с которыми земляне ведут «звездные войны». Они представляют мироздание как невиданное побоище на почве межкультурных конфликтов с преступными пришельцами, а победителями обычно становятся разные Бэтмены, Спайдермены и т.п. Все это довольно грустно: космос полон загадок, а кинопродюсеры и создатели компьютерных игр в который раз пережевывают бредни о летающих тарелках и космических злодеях, потому что якобы именно этого ожидает рынок.

– Интересно, верите ли Вы в существование внеземных цивилизаций?

– Космос, благодаря которому на Земле существует жизнь, в общем не слишком благоприятствует его развитию, но нельзя исключить, что на других околозвездных планетных системах обитают какие-то «другие» – хотя необязательно способные к антропоморфным формам мышления и самопознания. К тому же им может быть совершенно неинтересен контакт с такими существами, как мы. Лично я предпочел бы, чтобы мы были во Вселенной одни – просто потому, что я считаю, что хуже себя вести, чем люди, просто невозможно. Людоедство, которое было характерно для наших предков, кажется сегодня не столь отталкивающим, если сопоставить с ним всё, что мы знаем о современном мире. «Глобальная деревня» Маклюэна, в которую превращаемся – это глобальное побоище. Нетрудно догадаться, что, обнаружив жизнь в космосе, мы довели бы дело до военного столкновения и смертоубийства в космических масштабах.

– Я вижу, что Ваш пессимизм касается не только последствий технического прогресса, но и самой человеческой природы. В одном из эссе Вы написали, что то, что отличает нас от других высших млекопитающих – это не разум или культура, а ничем не оправданная жестокость и преступления.

– Доказательством может служить вся история человечества. По геологическим часам, насчитывающим четыре миллиарда лет, человеческие культурогенные цивилизации существуют на протяжении лишь нескольких последних секунд, но даже за это

мгновение человечество успело поставить под угрозу не только собственное существование, но и глобальную стабильность биосферы и климата.

- Какое событие в Вашей жизни поразило Вас сильнее всего?

- Трудно назвать какое-то одно важное событие, поскольку они происходили постепенно, незаметно, при взаимодействии множества факторов. Важным событием было то, что Польша вновь стала суверенным государством, и то, что рухнули все марионеточные режимы, существующие благодаря советскому протекторату. Во время «военного положения» в Польше я жил в Вене, и тогда я вычислил, что падение советского режима произойдет в первой четверти XXI столетия. Я основывал свои расчеты на экономических факторах: по американским данным, Советы тратили на вооружение около 12–15% валового национального дохода, но впоследствии оказалось, что на самом деле они тратили вдвое больше, что и объясняет тот факт, что я ошибся в своем прогнозе. Ф.Фукуяма после падения советской империи радостно провозгласил наступление «конца истории», что я считаю полной глупостью. Как можно вообще говорить о конце истории? Это как раз сегодняшний мир с точки зрения упорядоченности является гораздо более хаотическим, более непредсказуемым, чем тот, в котором были две сверхдержавы, создававшие силовое поле, и всё было ясно. Например, Израиль был «авианосцем» Соединенных Штатов, тогда как Советы ставили на арабов и т.д. Сегодня всё страшно усложнилось, везде царит хаос. Даже если и появляются какие-то коллективные санкции, как в истории с осуждением Йорга Хайдера, то они не приводят ни к какому результату. Или, например, я уверен, что Горбачев вовсе не стремился к падению советского режима, но своей «гласностью» довел дело до такого конца. Мы увидели, как действует эта система, когда Горбачев пытался, в соответствии с римскими имперскими традициями, скрыть подлинные размеры чернойбыльской катастрофы. Намерения у него были самые достойные. Вообще намерения теперь у всех достойные. Взять, к примеру, партию «зеленых» в Германии, которые вынудили крупные концерны подписать с правительством соглашение, что они не будут пользоваться электроэнергией от АЭС. А ведь последний нефтяной кризис, который потряс весь Евросоюз, свидетельствует о том, что у нас нет иного выхода, как только постепенно переходить на атомную энергетику, потому что природные запасы топлива вскоре истощатся.

- Перспектива вступления Польши в ЕС вызывает у нас в стране самые разные реакции. Каково Ваше отношение к европейской

интеграции?

– Я считаю, что вступление в Европейский Союз было бы для Польши полезно. Не потому, что Евросоюз – это такая замечательная штука, а потому, что у нас в стране создалась нездоровая атмосфера. Особенно правые ведут себя как норовистая лошадь, которую надо вести под уздцы. Такие уздцы как раз и обеспечит ЕС: каждый должен понимать, что глобализация означает в определенной степени утрату суверенности. Вступление в ЕС неминуемо повлечет за собой определенные сдвиги в направлении, если можно так выразиться, обучения хорошим манерам в политической и интеллектуальной жизни. Все равно избежать вступления в ЕС невозможно. Есть такие процессы, которые невозможно повернуть вспять ни насильно, ни заклинаниями. Да если уж на то пошло, какой у нас есть выбор? Лукашенко или Путин – не слишком заманчивая альтернатива.

– Ускорит ли глобализация технический прогресс в Польше?

– Именно об этом нужно говорить, а не разбрасываться направо и налево популистскими лозунгами или ходить на задних лапках перед богатыми. Ведь Бальцерович не прав, когда говорит, что нужно заботиться о богатых, потому что они создают рабочие места. Вовсе не все и не всегда. В первую очередь нам нужна передача передовых технологий. Мы должны стремиться догнать ведущие страны мира также в отношении технологий и промышленности, потому что иначе скатимся в положение страны «третьего мира». Россия, например, если бы у нее не было ядерного оружия, уже сегодня считалась бы страной «третьего мира». Факты говорят сами за себя: тамошний уровень жизни, декапитализация, жуткая история с «Курском»...

Внедрение современных технологий для нас абсолютно первостепенная вещь, ибо мы не можем играть роль европейского «Мухосранска» или заповедника старины. В этом отношении крупные инвесторы показывают нам, как вести торговлю, каковы современные методы строительства и т.д. Но здесь есть и отрицательные стороны: в обществе развиваются потребленческие тенденции, консумеризм.

Трудно не согласиться с тем, что в капиталистическом обществе человек нередко становится дополнением потребительской стоимости товаров. Мы видим, как производители и рекламодатели искусственно создают новые потребности. Вывод отсюда такой, что «открытое общество», о котором мы мечтали, вовсе не такое уж «открытое» и

демократическое, потому что всем управляют деньги. То же самое происходит в культуре. Гигантский поток книг затопляет рынок и смывает в небытие огромное количество произведений, до этого пользовавшихся признанием.

Теперь нередко можно услышать: «ПНР – это черная дыра». Но ведь в то время было множество положительных явлений – была издана вся классика мировой литературы, причем стотысячными тиражами. Литераторы были элитой общества. А сегодня лишь немногие в состоянии заработать себе на жизнь литературным трудом. Мое положение всегда было исключительным лишь в том отношении, что и во времена ПНР и позже я был – и остаюсь – практически независимым от ситуации в Польше. Мои книги публикуются на 38 языках, и мне безразлично, издадут меня в Польше или нет, хотя я польский автор и хотел бы, чтобы польские читатели знали меня не только по тем названиям, которые вошли в обязательную школьную программу, хотя и это приятно. Но не будем говорить о моих маленьких радостях. Мы оперируем такими понятиями, как гуманизм, консумеризм или заболевания, связанные с телевидением и Интернетом. Добавим сюда еще раздражающий «американский стандарт», общепринятый во всех телевизионных компаниях мира. Всех нас кормят пережеванной американской жвачкой.

– Но общество охотно на это соглашается. В том числе и интеллигенция.

– А что собой представляет сегодняшний польский интеллигент? Раньше это понятие означало бы, что ему известны основные сведения из области истории, науки, культуры, что он знает, кто такой Ганнибал, слышал о Пунических войнах, о Габсбургах, владеет иностранными языками и т.д. Сегодня понятие интеллигенции стало неактуальным. Современные «интеллигенты в первом поколении» вышли из крестьян. Прежнюю интеллигенцию истребили Гитлер и Сталин, а недобитые эмигрировали. Результаты ощущаются до сегодняшнего дня: уровень науки, культуры, политики – хуже некуда.

– В сборнике эссе «Мгновение» Вы заметили: «Далеко еще то время, когда кандидатов на высшие посты будут пропускать через экзаменационный фильтр, чтобы разносторонне неодаренных индивидуумов направлять на общественные работы».

– Я считаю, что так должно быть. Чтобы стать водителем грузовика в муниципальном ассенизационном предприятии,

нужно обладать определенными квалификациями и сдать соответствующий экзамен. А чтобы стать президентом – не требуется ни знаний, ни профессиональной подготовки. Можно быть полной бездарью, важно лишь много кричать, организовать себе так называемую «политическую базу» и всем обещать журавля в небе. Давать обещания и выражать недовольство – это два наших любимых занятия. Однако следует признать, что хоть не все поляки – Эйнштейны, но они и не дурачки, которым можно всучить все что угодно, как полагают многочисленные политики.

- Нетрудно догадаться, что Вы невысокого мнения о наших политических лидерах...

- Чистая правда. Я согласен с мнением Ежи Гедройца: всё это умы весьма косные, посредственные, склочные... Любопытно, что на заседаниях Сейма слова «культура» вообще не услышишь. Политика зачастую основывается на обыкновенной манипуляции общественным мнением, на стремлении навязать людям то, чего они совершенно не хотят. Поляки всегда были склонны вбивать людям в голову собственные идеи. Раньше я не верил в существование национального характера, а теперь верю.

- Какие же черты нашего национального характера Вам особенно неприятны?

- Склопничество, нетерпимость. Когда Ал Гор решил улучшить свой предвыборный рейтинг, то выбрал себе в качестве кандидата в вице-президенты еврея, и это ему помогло. Если бы кто-нибудь сделал то же самое в Польше, то у него вообще не было бы никаких шансов. Мы слишком по-разному относимся к различным этническим группам. После того, как Мария Домбровская побывала на кладбище в Монте-Кассино, она сказала: «Здесь похоронена подлинная Речь Посполита, ведущая свое начало от унии с Польши с Литвой». Там лежали поляки, украинцы, православные, мусульмане, евреи, татары и т.д. А теперь у нас население – этнический монолит, и нам это не идет на пользу... В стране господствуют некомпетентность, партийная клановость, бешеные склоки, попытки поставить католицизм над другими конфессиями.

- Вас возмущает возвышение католицизма? Почему же это не мешает Вам печататься в «Тыгоднике Повсехном»?

- Я там печатаюсь потому, что этот еженедельник характеризуется высоким интеллектуальным уровнем и представляет наиболее открытое течение в польском

католицизме. Но при этом мировоззрения «Тыгодника Повшехного» я не разделяю.

– Так каково же ваше мировоззрение ? Из Ваших эссе можно сделать вывод, что оно вполне материалистическое...

– Я не верю в сверхъестественные истории, в загробную жизнь и т.п., но при этом вовсе не намерен воевать против Господа Бога. Я признаю, что в социальном аспекте людям нужна религия, как нужна им надежда на вечную жизнь, на встречу с дорогими их сердцу умершими, на вечное блаженство и т.д.

– Вам тоже нужна такая надежда?

– Нет, я неверующий. Это вопрос убеждений, к которым человек приходит самостоятельно. Я считаю, что каждому нужно оставить свободу выбора.

– Как Вы относитесь к Церкви?

– Мне не нравится доминирующая роль католической Церкви, которая борется с различными сектами. Я понимаю, что она осуждает секты, призывающие к коллективному самоубийству. Но буддисты, последователи Харе Кришны, далай-лама – всё это замечательные люди, за что их осуждать? Или церковь опасается конкуренции? По-моему, гораздо более здоровая атмосфера существует там, где различные религии сосуществуют на основе принципа равноправия, как в Америке.

Мне также не нравится связь государства с церковью: я не люблю, когда церковь вмешивается в политику. Забавно, что архиепископ Житинский недавно сказал, что Квасьневский должен публично отречься от принципов ленинизма. Как будто он когда-нибудь исповедовал ленинизм! С ленинизмом он имел столько же общего, сколько и я, с той разницей, что я жил во Львове и был вынужден долбить марксизм в советском медицинском институте, а Квасьневский самым банальным образом хотел сделать карьеру. Однако я бы не переоценивал роль Церкви в Польше. Заметим, что когда Церковь пытается играть роль монопольного властителя дум всего народа, то опасности особой в этом нет. Какой же из нее властитель дум, если большинство поляков пойдет в воскресенье в костёл, а потом проголосует за Квасьневского?

– Признаюсь, для меня полная неожиданность, что Вы интересуетесь политикой. Я думала, что Вы живете в мире науки, абстракции.

– Я никогда не жил исключительно в мире звезд и атомов. Я внимательно наблюдаю за тем, что происходит в мире и внутри страны, в том числе и в политике.

Если же речь идет о мировоззренческой линии, то можете написать, что я в общем и целом разделяю позицию редакции «Пшеглёнда».

Я не знаю, что принесет Польше новое столетие. Я не хочу ничего придумывать и никому морочить голову. Я вовсе не преклоняюсь перед СДЛС и не считаю, что он поведет нас к светлому будущему и счастью. Я не думаю, что СДЛС – образцовая партия. Просто мне кажется, что левые в Польше менее плохи, чем правые.

– *Не могли бы Вы все-таки сказать нам, чего вы ждете от XXI века?*

– А Вы полагаете, что я ясновидящий?

– *Не ясновидящий, а футуролог. В своей книге «Сумма технологии» уже 35 лет назад Вы предвидели возникновение информационных сетей, эксперименты генной инженерии, в том числе клонирование, создание искусственного интеллекта, даже возникновение искусственной «фантоматизированной» (то есть виртуальной) реальности. Кстати, думаете ли Вы, что виртуальный контакт может заменить подлинный, например, прикосновение человеческой руки? Рассказывают, что существуют виртуальные связи, виртуальный секс...*

– Искусственный интеллект не обладает эмоциями. Сетевой автомат неспособен к сочувствию, нежности, он не окружит заботой умирающего, не утешит плачущего ребенка. Я уверен, что виртуальный контакт никогда полностью не заменит реальный.

В области технологии еще можно что-то прогнозировать, труднее – в области политики. Хотя иногда и здесь удастся. Несколько лет назад ко мне приехала группа немецких философов и в ходе беседы задавали разные вопросы, в частности, о будущем. Я тогда сказал, что Германию будут осаждать нищие со всего мира, чтобы как-то туда пробраться, а Польша будет протекторатом Ватикана. И вот, пожалуйста: мои прогнозы сбылись.

– *Свой сборник «Мегабитовая бомба» Вы заканчиваете мрачным размышлением: «Быть может, XXI век будет еще более жестоким, чем наше кровавое столетие. События*

первостепенной важности для всей планеты с трудом поддаются прогнозированию (как, например, распад СССР, триумфальные достижения биотехнологии или мировая сеть телекоммуникаций). Быть может, наш мир действительно бескрайний, а пропасти – значит, и края – создадим мы сами».

- Создадим, наверняка создадим. Но у меня все же остается надежда, что мы до этого не доживем.

Беседу вела Эва Ликовская

ПОИСКИ «АНТИ-КАТЫНИ»

— Насколько память о польско-большевистской войне 1920 года еще жива в сознании русского народа?

Борис Носов: Что значит «еще»? Ее никогда и не было. Если вы выйдете сейчас на улицы Москвы и, не уточняя, что речь идет о 1920 годе, спросите десяток случайных прохожих, что они знают о польско-советской войне, то каждый посмотрит на вас с удивлением и скажет, что со времен Ивана Сусанина русские с поляками не воевали. Кто-то, может, вспомнит еще о польских восстаниях. В любом случае польско-большевистской войны 1920 г. в памяти русских не существует.

— Ее предали забвению?

— Нет, ее и не существовало. В 20 х гг. официальная пропаганда говорила о походе Антанты против Советской России. Постоянно повторяли известный тезис о 14 государствах, войска которых участвовали в гражданской войне на стороне белых. Среди этих 14 стран была и Польша. Наравне с греческими, французскими, английскими и другими войсками. С самого начала официальная советская пропаганда избегала подчеркивать, что в 1920 г. велась война между Польшей и советской Россией. Для советских людей это был только один из эпизодов «гражданки». Конечно, дипломаты или военные историки писали работы на тему битвы под Варшавой или Рижского мирного договора, однако они были предназначены специалистам и до широкой общественности не доходили.

— Но везде в обиходе было и до сих пор остается слово «белополяки».

— Да, конечно, «белополяки» и «белые паны». Однако мы должны отдавать себе отчет в том, что — хоть, может, звучит это немного парадоксально — в сознании советского народа эти слова не были тесно связаны с конкретным народом или государством. Это были определения из арсенала классовой борьбы. В 20 х гг. и позже люди помнили, что среди классовых врагов были и Врангель, и Деникин, и «белополяки». В 30 х, с нормализацией советско-польских отношений, пропаганда еще сильнее подчеркивала, что польский народ — наш друг. Друг, угнетаемый правящими верхами — «пилсудчиками». Но «мы» поддерживаем борьбу польского народа против

угнетателей, мы поддерживаем польских коммунистов. При таком раскладе упоминаний о недавней польско-большевистской войне быть не могло.

— У нас, однако, говорят, что Сталин ненавидел поляков как раз за поражение, которое потерпела Советская Россия в 1920 г., что, смотря оперу Глинки «Иван Сусанин», он наслаждался сценами, где гибнут поляки.

— Эта байка известна и у нас. Думаю, что она ничего общего с действительностью не имеет. Сталин был человеком скрытным и необычайно прагматичным. Свои чувства он выражал только тогда, когда это уже было совершенно необходимо, служило достижению какой-либо конкретной цели. Я не знаю, зачем ему нужно было бы проявлять эмоции, смотря «Ивана Сусанина». Единственным периодом, когда сталинской пропаганде могли пригодиться воспоминания о польско-большевистской войне, был 1939 год, когда нужно было обосновать захват советскими войсками половины вашей страны. Но это продолжалось недолго, а значит, существенного отклика в народном сознании оставить не могло.

— Дмитрий Рогожин, председатель думской комиссии по иностранным делам, недавно мне сказал, что в то время, когда Польша входила в состав советского лагеря, о войне 1920 г. не вспоминали, чтобы не провоцировать ответной реакции — вопросов о Катыни. Это так?

— Не думаю. Тогда советская пропаганда ставила себе целью «укрепление дружбы» между нашими народами и государствами, и, значит, не было смысла говорить о таких неприятных эпизодах, как польско-большевистская война. Она в то время была просто обречена на забвение. Возьмем учебники истории 50–80 х гг. Самое большее, что мы в них найдем, — этаким небольшим стандартный подраздел «Советско-польская война 1920 г.». И прочтем там, что правящие круги Польши по наущению Антанты развязали войну с Советской Россией. Польские войска заняли Киев, а Красная Армия, покончив с Деникиным и Колчаком, бросила свои главные силы против «белополяков», армия Тухачевского двинулась к Висле, что закончилось неудачей. Поэтому советское руководство решило заключить мир. Это все, больше ничего не было. Историки тоже не занимались вопросами, связанными с той войной.

— Исследования были запрещены?

— Нет. Однако на них не было и спроса. Если бы кто-нибудь написал об этой войне статью и попробовал ее опубликовать в каком-нибудь историческом журнале, редактор бы спросил: «А зачем? Все давно уже известно». Как тот арабский военачальник, который приказал поджечь Александрийскую библиотеку, мотивируя это тем, что не может в ней быть ничего хорошего и полезного, чего уже не сказано в Коране. Если мы обратимся к библиографии работ советских историков, касающихся польско-большевистской войны 1920 г., то найдем там прежде всего... работы на тему событий 1938–1941 гг., в которых нельзя было не сказать двух слов о Рижском мире — о том, откуда взялась загадочная линия Керзона, по обе стороны которой в сентябре 1939 г. остановились захватывавшие Польшу войска Сталина и Гитлера. О той войне говорилось также в работах по истории Коминтерна, так как в них шла речь о мировой революции. Но все, что в Советском Союзе писалось о Коминтерне, подвергалось особо строгой цензуре.

— Во второй половине 80-х знаменитая статья Юрия Афанасьева, ныне ректора Российского государственного гуманитарного университета, в журнале «Коммунист» положила начало дискуссии о «белых пятнах» в истории Советского Союза. Началась она с Катыни, а затем перешла на польско-большевистскую войну. В чем причины такой последовательности?

— Катынское дело вызвало в то время огромный интерес в советском обществе. И речь здесь шла не столько о самом преступлении в Катынском лесу, сколько об общем контексте эпохи незадолго до войны СССР с Германией, о союзе Сталина с Гитлером, о лжи официальной пропаганды. В эпоху перестройки, в период обличения сталинского режима, люди были ко всему этому особенно восприимчивы. Поэтому катынское дело оказалось тогда настолько важным. И тогда же появилась мысль, что надо найти «анти-Катынь».

— Кто ее высказал первым?

— Этого, я думаю, мы никогда не узнаем. Может быть, где-то в политбюро или в кабинетах президиума Академии наук состоялось совещание и было принято решение, что непременно нужно найти «анти-Катынь», какое-то позорное польское пятно в истории отношений с советской Россией. А может, такого совещания и не было, может, никакой секретарь и не говорил, что нужно предпринять ответные шаги. Но мы в Москве схватывали на лету, что в данный момент нужно начальству, что ему может пригодиться. И на рубеже 80–90-х

возникла идея «анти-Катыни»: у нас начали писать о войне 1920 г., прежде всего о судьбе красноармейцев, оказавшихся тогда в польском плену и будто бы замученных в лагерях. Говорилось о 40 тыс. убитых, заморенных голодом, умиравших из-за отсутствия лекарств.

Из статьи Петра Покровского «Морозом и саблей»

(«Парламентская газета», 2000, апрель)

...расстрелы в Медном и Харькове (в отличие от Катыни [?! — Ред.] эти факты установлены) производились по решению судебных органов — пусть это были недемократические «тройки», но получается, что речь шла не о расправе по этническому или классовому принципу. Так за что же расстреливали поляков? (...) После вступления в Пинск [во время войны 1920 г.] по приказу коменданта польского гарнизона на месте, без суда были расстреляны около 40 евреев, пришедших для молитвы. Эту группу якобы приняли за собрание большевиков. (...) ...начальник штаба генерала Листовского с характерной фамилией Гробицкий... хвастался, как в его офицерской компании распорол живот красноармейцу, зашили туда живого кота и побились об заклад, кто первый подойдет — большевик или кот. Причем такие эксцессы носили массовый характер. (...) Не правда ли, было бы кощунственно не осудить и не расстрелять такого «боевого офицера», как пан Гробицкий. Именно таких особо отличившихся представителей «офицерской элиты», оказавшихся в наших руках в 1939 году, расстреляли в Медном.

— Дело военнопленных стало олицетворением идеи «анти-Катыни»?

— Да, хотя эта идея не имеет абсолютно никакого будущего.

— Почему?

— Красноармейцы действительно умирали в польских лагерях из-за отсутствия лекарств, продовольствия. Возможно, действовавшие под свою ответственность начальники некоторых лагерей приказывали расстреливать непокорных военнопленных. Но никоим образом не доказать, что политика польских властей предусматривала уничтожение военнопленных, что кто-то сознательно принял решение об их ликвидации — так, как это было с убийством польских офицеров в 1940 году. Не скрывать того, что в Польше в начале 20

х гг. из-за отсутствия медикаментов умирали не только советские военнопленные. Страна была разрушена войной, медикаментов, продовольствия на всех не хватало — и для солдат, и для гражданского населения.

— Но люди гибли в лагерях. Их родственники, потомки имеют право узнать, почему и как это случилось?

— О чем вы говорите? Какие потомки? Кто сейчас знает в России, что его дед или прадед погиб в 1920 г. в Польше? Тогда никто не посылал извещений о смерти. Семьи могли догадываться, что отец, сын погиб на одном из фронтов «гражданки». Может, в Крыму, может, на Дальнем Востоке, а может — на Висле. А если бы кто и знал, что его близкий не вернулся из польского плена, то наверняка предпочитал бы об этом молчать. Ведь, может, этот родственник остался в Польше добровольно, а в таком случае родные могли иметь с советской властью только серьезные неприятности. Существует еще одно большое различие между польской Катынью и нашей «анти-Катынью». В 1940 г. НКВД расстреляло цвет польской интеллигенции. Их вдовы воспитали, выучили детей. Потомки убитых — это и сегодня польская элита. Их дети и внуки также занимают то самое место в обществе. Память о Катыни, как хвост за кометой, будет тянуться на протяжении поколений. А красноармейцы, которые двинулись в 1920 г. на Вислу, — это прежде всего мобилизованные крестьяне. Для своих командиров они были лишь пушечным мясом. Родные никогда не узнали, что с ними произошло, никто уже сегодня их не помнит. Так что их потомки не требуют никаких объяснений.

Из статьи Анны Белоглазовой и Ивана Напореенко «Россия чтит память невинно убиенных»

(«Независимая газета», 2000, 1 августа)

...Однако, несмотря на слова примирения, сказанные высокопоставленными чиновниками на открытии мемориала [в Катыни 29 июля], в отношениях между Россией и Польшей остается немало недосказанности и скрытой обиды. Ведь страницы российско-польской истории орошены кровью не только польских офицеров, расстрелянных в Катыни и сосланных в Сибирь, но и кровью более 80 тыс. русских солдат, погибших в Тухоли, Пулавах, Щелково, Барановичах и в других лагерях Юзефа Пилсудского во время советско-польской войны 1920 года. И если под Катынью создан мемориал, куда приезжают делегации с обеих сторон почтить память жертв, то красногвардейцам, погибшим в лагерях от голода, болезней и

зверского обращения польских охранников, до сих пор не воздвигнуто ни одного памятника.

— По-вашему, сейчас нельзя сказать, кто придумал идею «анти-Катыни». А кто сегодня является ее носителем?

— Здесь нужно обратить внимание на те проблемы, которые в данный момент существуют между Россией и Польшей. Вступление вашей страны в НАТО, сочувствие к чеченцам, которое проявляют поляки, высылка дипломатов одной и другой страны, хулиганские выходки у дипломатических представительств. Из всего этого тоже рождается идея «анти-Катыни».

— Она представляет собой орудие, нужное правящей верхушке России?

— Еще раз повторю: никто открыто не скажет, что ему нужна «анти-Катынь», никто не отдаст распоряжения ее выискивать. Но сегодня это висит в воздухе. В начале июня в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), бывшем Главном архивном управлении при правительстве СССР, состоялось совещание историков, на котором мы услышали, что правительство Российской Федерации выделило деньги, чтобы специальная комиссия расследовала судьбу красноармейцев, взятых в 1920 г. в польский плен. Главой комиссии, в которую включили и меня, назначен директор ГАРФа Владимир Козлов, чиновник в ранге министра.

— Чем должна заниматься эта комиссия?

— Изучить архивы, собрать документы, опубликовать их. Это то, что мне известно. ГАРФ уже обратился к польской стороне с просьбой об источниках, и мы их уже получили.

— А как будут использованы собранные вами документы? Рогожин говорил мне, что по делу военнопленных, возможно, будет проведено следствие, подобное расследованию по катынскому делу.

— Что станет с результатами нашей работы, решать будем не мы, а министерство иностранных дел.

— А когда правительство приняло решение выделить деньги на расследование дела военнопленных?

— Весной этого года. Как раз тогда в Польше начали отмечать годовщину катынской трагедии. Эти два факта между собой как-то связаны. Никто об этом, ясное дело, не говорит, я могу только догадываться.

— Почему же тогда вы решились работать в этой комиссии?

— Смею вас заверить, что, работая в ней, я буду до конца стоять на том, что результаты нашей работы не должны дать повода к развязыванию политической акции. Сбор документов, их публикация всегда полезны. Благодаря этому историкам проще добраться до истины. И мы должны идти в этом направлении, не давая втянуть себя в игры в «анти-Катынь».

С Борисом Носовым беседовал Вацлав Радзивиллович

Интервью взято при участии Олега Панфилова

Борис Носов — историк, специалист по польско-российским отношениям, заместитель директора Института славяноведения Российской Академии наук.

ФАКТЫ О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1919–1921

В последнее время в некоторых российских газетах появляются статьи о мнимой гибели большинства красноармейцев, попавших в польский плен во время войны 1919–1920 гг. (например, статья А.Тулеева, помещенной «Независимой газетой» от 6 окт. 2000). В связи с этим «Новая Польша» публикует ответ видного польского историка профессора Збигнева Карпуса. Мы надеемся, что объективизм этой статьи, не скрывающей тяжелого положения советских военнопленных, пресечет попытки дезинформировать общество свободной России, направленные на то, чтобы Польшу представлять как дежурного врага. Мы убеждены, что те российские историки, кто серьезно занимается этим вопросом, охотно создадут комиссию с участием их польских коллег, которая изучит вопрос до конца и устраним все сомнения. Мы совершенно уверены, что работа такой комиссии не встретит в Польше никаких препятствий. (Ред.)

В результате каждого вооруженного конфликта, кроме жертв и разрушений, возникает проблема военнопленных. Это, естественно, касается и польско-советской войны 1919–1920 годов.

Первые бои польских и советских частей произошли в середине февраля 1919 г. В течение всего первого года войны военные действия велись не слишком интенсивно: обе стороны были заняты другими проблемами. В связи с этим число военнопленных, захваченных поляками, было незначительным. В ноябре 1919 г. в Польше находилось всего 7096 советских военнопленных. Как и украинцы, попавшие в плен во время более ранних боев за Львов и Восточную Галицию, они были размещены в лагерях в Стшалкове (между Слупцей и Вшесней), Домбе под Краковом, Пикулицах под Перемышлем, Брест-Литовске, Ланьцуте и Вадовицах. Эти лагеря не строились специально ради военных действий против Советской России. Польша унаследовала их от владевших ее территориями Германии и Австрии, построивших лагеря во время I Мировой войны

Вскоре после прибытия первых групп советских военнопленных в польских лагерях возникли эпидемии инфекционных заболеваний (сыпного, брюшного и

возвратного тифа, краснухи, холеры, гриппа), по преимуществу занесенных с фронта самими пленными. В результате в 1919 г. самое тяжелое санитарно-эпидемиологическое положение сложилось в лагере, расположенном в Брестской крепости. Ввиду плохих условий этот лагерь через несколько месяцев был закрыт, а советских военнопленных перевели в другие лагеря. По сохранившимся данным, в Брестском лагере от инфекционных заболеваний умерло больше тысячи военнопленных. В результате усилий польских властей, в частности депутатов польского Законодательного сейма, которые контролировали все лагеря, в первые месяцы 1920 г. условия жизни военнопленных заметно улучшились. В лагеря неоднократно приезжали делегации польских и международных благотворительных организаций. Их доклады и отчеты, сохранившиеся в польских архивах, показывают, в каких условиях находились в польских лагерях военнопленные разных национальностей.

Начавшиеся в апреле 1920 г., в ходе польского наступления на Киев, польско-советские бои на Украине не повлияли на рост числа военнопленных в польских лагерях. В этих боях было захвачено в плен около 18 тыс. красноармейцев, но лишь немногих из них поляки успели отправить на запад, в тылы, — большинство было отбито Первой Конной армией под командованием С.Буденного. В частности, только в занятом буденновцами Житомире были освобождены более 5 тыс. красноармейцев.

И только после битвы под Варшавой, где в плен (лишь до 10 сентября 1920) попало около 50 тыс. красноармейцев, число советских военнопленных в Польше существенно выросло. Следующие польские победы еще больше повысили их численность. В общей сложности после завершения военных действий на Восточном фронте (18 октября 1920) на территории Польши было около 110 тыс. советских военнопленных. Эту цифру, опираясь на статистику, приводит Ю.Пилсудский в своей книге «1920 год». Между тем М.Н.Тухачевский в своем докладе (добросовестно включенном Пилсудским в книгу) говорит только о 95 тыс. пропавших без вести и попавших в плен. Это, однако, чисто теоретические подсчеты, относящиеся только к первому времени, ибо многие военнопленные (около 25 тысяч), едва попав в плен или недолго пробыв в лагере, поддавались агитации и вступали в русские, казачьи и украинские армейские группировки, которые вместе с поляками воевали с Красной армией. Это были армия генерала Станислава Булак-Балаховича, 3-я российская армия генерала Бориса Перемыкина, казачья

бригада Александра Сальникова, казачья бригада есаула Вадима Яковлева и армия Украинской Народной Республики. Названные части и после заключения советско-польского перемирия продолжали воевать самостоятельно, пока не были оттеснены на территорию Польши. Следует отметить, что военнопленные не всегда руководствовались одними лишь идейными побуждениями. Подавляющее большинство просто стремилось как можно быстрее выйти из лагеря. Многие из них, едва попав на фронт, возвращались в ряды Красной армии. На основании сохранившихся польских архивных материалов можно установить, что поздней осенью 1920 г. в Польше находилось не больше 80–85 тыс. советских военнопленных. Половина из них находилась в лагерях для военнопленных, остальные работали на государственных предприятиях либо у частных лиц (в основном в сельском хозяйстве).

Польская сторона была не в состоянии за короткий срок после завершения военных действий обеспечить надлежащие санитарно-бытовые условия такому числу военнопленных. Польша была сильно разрушена недавней мировой войной, а помощь, за которой она обращалась к другим странам, в частности к Франции и США, не была ей предоставлена. Поэтому санитарное и продовольственное положение лагерей, где находились советские военнопленные, было плохим, особенно в конце 1920 — начале 1921 гг. (в зимние месяцы). Это привело к новой вспышке эпидемий инфекционных заболеваний, от которых умерли многие пленные. В источниках, однако, нет никаких данных, на основе которых можно бы заподозрить польские власти в сознательной политике, направленной на то, чтобы заморить голодом либо прямо истребить советских военнопленных. Уже с февраля 1921 г. в результате серьезных усилий польских военных и гражданских властей положение в лагерях начало резко улучшаться.

В середине марта 1921 г. начался обмен военнопленными между Польшей и Советской Россией, долго ожидаемый и откладываемый, притом отнюдь не по вине польской стороны. Советская делегация в Риге во главе с А.Иоффе тянула с подписанием соглашения об обмене военнопленными, подготовленного еще в конце декабря 1920 г., и подписала его лишь в середине февраля 1921 г. Обмен военнопленными продолжался до середины октября 1921 г.: в Россию было отправлено 65 797 военнопленных, в Польшу вернулось — 26 440. В Польше оставалось еще 965 советских военнопленных, которые должны были служить польским властям гарантией возвращения всех попавших в плен польских офицеров. В

начале 1922 г. эта группа тоже была отправлена по домам. В соответствии с польско-советским соглашением обмен военнопленными происходил на добровольной основе. Возможностью остаться в Польше воспользовались около тысячи советских военнопленных, изъявившие желание остаться в письменном виде, после чего их освободили из лагерей. Кроме того, около тысячи пленных красноармейцев: латышей, немцев, венгров и австрийцев — выразили желание вернуться в свои страны. В результате договоренностей польских властей с соответствующими дипломатическими представительствами и эти пленные были отправлены на родину.

Учитывая вышеназванные документальные данные, можно сказать, что в польском плену на протяжении всех трех лет (февраль 1919 — октябрь 1921) скончалось не больше 16-18 тыс. советских военнопленных: около 8 тысяч — в лагере в Стшалкове, до 2 тысяч — в Тухоле и около 6-8 тысяч в других лагерях. Утверждение, что погибших было значительно больше — 60, 80 или даже 100 тысяч, — нелепое преувеличение, не опирающееся ни на какие достоверные источники.

Еще сегодня вызывает споры и бурно «озвучивается» российскими историками и публицистами вопрос о числе советских военнопленных, скончавшихся в лагере в Тухоле. Авторы многих российских публикаций утверждают, что там умерли 22 тыс. красноармейцев, и называют этот лагерь «лагерем смерти». Печатавая такие «откровения», российская сторона не задается простым вопросом: возможно ли, чтобы такое множество военнопленных умерли за столь короткое время их пребывания в Тухоле? В этом лагере советские военнопленные находились только с конца августа 1920 г. до середины октября 1921 г. Такая высокая смертность (в среднем больше 2 тыс. человек в месяц) неизбежно была бы зарегистрирована в армейских и административных документах, местной печати, отчетах представителей польских и международных благотворительных организаций, которые часто посещали лагерь в Тухоле, наконец, в кладбищенских документах. Из сохранившихся документов вытекает вполне определенный вывод: в Тухоле за год пребывания умерли, в основном от инфекционных заболеваний, самое большее 1950 военнопленных. Утверждения российских авторов превосходят эту цифру больше чем в 10 раз.

Лица, скончавшихся в польских лагерях, хоронили на отдельных, расположенных поблизости кладбищах. На протяжении всего периода между I и II Мировыми войнами

польские военные и гражданские власти заботились об этих могилах. Их огородили, привели в порядок, поставили скромные памятники и кресты. Они сохранились по сей день, и в случае необходимости можно провести эксгумацию погребенных там советских военнопленных. Тогда можно будет очень точно установить число военнопленных, скончавшихся в отдельных польских лагерях, и развеять связанные с этим сомнения российской стороны.

Следует также напомнить, что во время войны 1919-1920 гг. в советский плен попали более 40 тыс. солдат и офицеров Войска Польского. В Польшу в результате обмена военнопленными вернулись всего лишь 26,5 тыс. человек. Поэтому необходимо, не откладывая в долгий ящик, выяснить, что стало с остальными польскими военнопленными.

КРАСНЫЕ КАЦАПЫ И ПОЛЬСКИЕ ПАНЫ

Мой одноклассник, ставший потом известным русистом, ныне покойный Анджей Дравич рассказывал такую историю о первых часах своего пребывания в Москве. Очутился он в общежитии, среди стипендиатов из Польши. Те при встрече подвергли его багаж такому тщательному досмотру, что брестским таможенникам и не снилось. Искали не какую-нибудь там литературу, а отечественные напитки. Кой были молниеносно найдены. И тут же продегустированы. А поляки, знамо дело, как выпьют — давай песни петь. И неважно, что это была отборная элита польского «комсомола»: в самом центре русской столицы на всю округу громко рифмовалось: «мерзкие» — «советские»...

Но тут же из коридора — ответный удар. Не милиция и не НКВД, а девичьи голоса. О «псах-атаманах», «польских панах» и саблях Конармии. А известно, как русские женщины умеют петь хором! Пришлось нашим проглотить обиду. И отложить в сторону суть исторических споров. Состоялось знакомство. Остатки были допиты вместе «за дружбу». Мой школьный друг потерпел в этом инциденте самое сокрушительное поражение — вскоре одна из вокалисток стала его женой. (Пани Вера, кланяюсь вам с этих страниц в пояс, по-казацки!).

Подобный же уровень диалога предлагают «Парламентская газета» и «Независимая газета». Казалось бы, серьезная пресса. Но все по-старому, словно ничего не изменилось ни в России, ни в Польше, ни в мире. Незнание реалий: в школе-то не учили, а в первоисточники заглядывать неохота. А вдобавок наглость (впрочем, не знаю, как и назвать оправдание геноцида в Катыни, Харькове и Медном). Говорить не с кем.

Другое дело — историк Борис Носов из российской комиссии по выяснению судьбы красноармейцев, попавших в 1920 г. в польский плен. Я бы придрался только к дате: а как же красноармейцы 1919 года? Ведь именно тогда поляки впервые взяли Вильно и Минск вместе с немалым числом военнопленных. Остановились они лишь на наполеоновской Березине. Почему — история особая... Два разгрома Красной Армии в 1920 г. — на Висле и на Немане — переполнили

польские лагеря, но этим «проблема военнопленных» отнюдь не исчерпывается.

Борис Носов в беседе с Вацлавом Радзивиновичем разворачивает такую панораму исторических сведений, что это побуждает к предметной дискуссии. Не только потому, что Носов дезавуирует идею «анти-Катыни». Хотят русские еще раз погрязнуть в махинациях и стать посмешищем — их дело. Они ведь даже не пытались и не пытаются отыскать у нас эти (мнимые) массовые захоронения своих соотечественников, убитых выстрелом в затылок. Почти полвека были для этого все условия, да и сегодня, я полагаю, с польской стороны в этом должно быть оказано всяческое содействие.

Однако мне не в чем упрекнуть Носова, когда он описывает условия существования русских военнопленных в Польше. Увы, условия были действительно ужасны, вели к высокой смертности; и не думаю, чтобы у нас было сделано все, чтобы масштабы трагедии свести к минимуму. Мы легкомысленно хвалились тем, сколько тысяч русских взято в плен, но ни в статистических отчетах, ни в газетах никто и не заикнулся о том, сколько среди них тяжелобольных и тяжелораненых; а ведь такие и гибнут прежде всего. В польском сознании отсутствует сама проблема нашей ответственности за этих людей. Мы легко отпускаем себе грехи на том основании, что и наших военнопленных в России, в том числе больных и раненых, тоже в 1920 г. не очень-то жаловали. Достаточно прочесть «Дневник 1920» Бабеля, полный описаний того, как расправлялись с польскими пленными на поле боя. Случались подобные жестокости и с нашей стороны, но они, по крайней мере, встречали осуждение командования, в частности Казимежа Сикорского, будущего премьер-министра.

Как великодушно удостоверяет Борис Носов, условия существования в Польше действительно были в то время крайне тяжелыми. Что же говорить об условиях солдатской службы? По нашим официальным данным, потери среди военнослужащих составляли: 19,8 тыс. убитых, 27,2 тыс. умерших «от ран и болезней», 115,8 тыс. раненых, 407,9 тыс. больных... За весь период 1919–1920 гг.. Обычная простуда или боль в животе не регистрировались. Речь идет о последствиях эпидемий инфекционных болезней при плохом обмундировании и обуви, недостатке лекарств и вообще слабой медицинской службе. Сравнения с другими европейскими армиями говорят сами за себя. Если мы и собственную армию надлежаще содержать не могли, то что уж говорить о военнопленных. Но моральная проблема остается.

Так же, как и с неприятельскими кладбищами. Не так давно правительство оказалось в затруднении, когда канцлер Германии захотел возложить венки на могилы польских и немецких солдат. Но откуда в Польше немецкие могилы? Немцам легко объяснить любые наши беды — мы ведь все никак не выберемся из коммунистических руин, — но объясняться по поводу отсутствия в Польше немецких могил просто глупо. Что-то там симпровизировали, скорее всего, не без мистификации, и вот год назад газеты с гордостью сообщили, что под Щецином создано... первое немецкое военное кладбище. Не исключено, что с немецкой денежной помощью.

Русских могил и кладбищ в Польше, казалось бы, немало, но странная вещь... Все они парадные, напоказ, одно — в самом центре Варшавы. Это плод сервизизма коммунистических властей, а не христианских чувств поляков. И вовсе не выражение благодарности за «освобождение» от фашистского ярма, ибо его всего лишь заменили на большевистское. Трагедия молодых русских, положивших здесь свои жизни, столкнулась с трагедией покоренных силой и хитростью поляков, которым над Вислой выпало жить.

Лакейство организаторов таких кладбищ простирается так же далеко, как и злополучная русская манера... В парадных могилах лежат русские солдаты, погибшие в боях (в том числе с польскими партизанами и подпольщиками). Но вся штука в том, что наша земля хранит едва ли не больше останков русских военнопленных, убитых немцами, нежели тех, кто пал с оружием в руках. Для первых не строили никаких кладбищ. Так же, как и на всей территории бывшего СССР. Как будто в России неизвестно, что «солдат своей судьбы не выбирает». Перед нами имперская пропаганда, а не дань уважения людям, пожертвовавшим собой ради других людей.

В свое время я долго искал в окрестностях Варшавы русские могилы 1920 года. Была большая битва, есть польские кладбища, наши тоже стреляли... не косточками от слив. Но ничего я так и не нашел; «святая земля» поглотила все, потому что никто об убитых врагах вовремя не позаботился. А позднее — не позаботились и «польские» власти русского разлива, стыдясь, как видно, что тогда, в 1920 м, еще не удалось... А ведь речь о сотнях и тысячах погибших под Радзимином и Оссовом, на реке Нареве и Вкре, на Висле, под Влоцлавеком, Цехановом, Плонском и Млавой. Это укор польским властям и обществу: в загоне, во-первых, обычная человеческая порядочность, во-вторых, историческое и воспитательное значение памяти.

На кладбище крепости Модлин был момент, когда я уже готов был крикнуть «Эврика!». Длинные ряды добротных бетонных православных крестов с надписями кириллицей: имя, отчество, фамилия, место рождения погибшего — как правило, далеко в глубине святой Руси, где-нибудь за Волгой, ближе к Уралу. К сожалению, это I Мировая война. И все это — трудами императорского «управления военных захоронений 9-й германской армии». Когда немцы в 1915 г. захватили обращенный в руины Модлин, им захотелось «орднунга», и они не пожалели ни работы, ни цемента. Конечно, у «белых» русских, даже если б они захотели, не было времени так позаботиться о своих павших.

Но нельзя ту польско-русскую войну сводить сегодня только к кладбищенским сюжетам. Пока еще нигде — ни на Волге, ни на Висле — как следует не обсуждалось специфическое польское участие в русской гражданской войне. В том самом незабываемом 1919 м... Осенью того года действия поляков могли решить исход схватки красных и белых. Чаше весов колебались, но тут поляки продемонстрировали свой нейтралитет, что привело к поражению Деникина. Так что можно сказать: Польша Пилсудского действием проголосовала в пользу большевиков и коммунизма.

Мне кажется, суть выступления Бориса Носова сводится к тому, что события 1919-1920 гг. в России совершенно неизвестны и в масштабе общества не поняты. Нет общественной потребности в распространении таких знаний. Внимание людей без остатка поглощают текущие проблемы. Если и дойдет дело до публикации документов о военнопленных в Польше, то она будет прочитана лишь узкой группой специалистов, которые и так ничего нового из нее не узнают. Это уже не приведет ни к ухудшению, ни к улучшению отношений между поляками и русскими. Опыт важного эпизода русско-польского соседствования, увы, останется, по-прежнему мертвым.

В Польше дело с этим обстоит не лучше, хотя иначе выглядят причины. Катынь, Харьков, Медное — вопрос общественно закрыт после того, как открыты соответствующие кладбища. Для поколения детей и внуков людей, которые там убиты, это еще может какое-то время оставаться личной заботой. Двусмысленность поведения русских в данной ситуации никого даже не удивляет. Да, они раскрыли захоронения, но с максимальной сдержанностью во всем, что касается выводов из трагедии. Конечно, 20 тысяч расстрелянных поляков — что за потрясение, если не потрясает даже память о 20 миллионах собственных загубленных земляков... Жаль. Не нужно Польше

русского покаяния; катынское дело дало возможность переосмыслить и пересмотреть правила взаимоотношений с соседями. Прежняя практика порождала только несчастья с обеих сторон.

Полякам тоже не дают покоя текущие заботы и не слишком ясное будущее. А к давно минувшему 1920 г. они предпочитают подходить идиллически: как-никак он увенчан победами на Висле и Немане и «вечным» Рижским миром. У нас молчат о том, что этот мир и двадцати лет не продержался. Никто не вспоминает о том, что для Белоруссии и Украины «Рига» означала аннексию их земель. Совместно с большевиками, чтобы уже вскоре их «освобождал» Иосиф Сталин вместе с Адольфом Гитлером. В Польше и сегодня мало кого интересует, как на практике выглядит независимость Белоруссии и Украины. Господи помилуй! А ведь уже по крайней мере с 1920 г. всем в Польше должно быть известно, что, пока белорусские и украинские дела не повернутся хотя бы так же, как литовские, латвийские и эстонские, наши шансы на «мир с Востока» и выгодное сотрудничество на этом направлении вилами на воде писаны.

Публикация материалов русской комиссии по вопросу о судьбе их военнопленных в Польше (а ее председатель имеет ранг министра) была бы полезна и для поляков, если бы она могла заинтриговать наше общественное мнение. Хотя бы тем фактом, что мы — и тогда, и сегодня — не безгрешны и не «единственно правы». К сожалению, на это нет никаких шансов. Я не вижу возможности глубоко задеть своих соотечественников даже тем фактом, что вот, мол, русские снова нас чернят и оскорбляют. Тут же, рядом с новыми кладбищами в Катыни, Харькове и Медном. У нас пожмут плечами, а эрудиты напомнят, что уже бывали сообщения русских официальных комиссий — даже когда в их составе обретались высокие чины церковного священноначалия, — которые оглашали *urbi et orbi* свои официальные истины, а потом другим русским чиновникам приходилось лезть из кожи, чтобы эти истины опровергнуть.

На грустные мысли наводит вся эта ситуация. Мертвых не воскресишь, но у живых-то могли бы наконец проснуться и разум, и совесть.

Для начала надо договориться, что есть принципиальная нравственная разница между халатностью, пусть даже и непростительной, и преднамеренным и методичным, с письменными решениями и личными делами жертв, убийством безоружных военнопленных. Война — это всегда

грязь и жестокость. Однако боевой амок — это нечто иное, нежели плановая, растянутая на недели катынская казнь. Закамуфлированная ложью, преподнесенная своим гражданам и всему миру.

Польско-русский диалог глухонемых ничем не напоминает той своеобразной певческой дискуссии в московском общежитии, с которой мы начали наш комментарий. Он ни в малой степени не предвещает соответствующего хэппи-энда. И если этот диалог еще не совсем похож на бабью свару — то в этом заслуга таких людей, как Борис Носов. Профессионалов, но и джентльменов. Я понимаю, что в истории тысячелетнего соседства русских и поляков достаточно случаев, когда так и подмывает послать соседа «по матушке». Хвала тем, кто от этого воздерживается. Чем больше их будет с обеих сторон, тем скорее мы начнем полемизировать как люди, в чьем опыте и судьбе немало сходного, то есть как настоящие соседи.

Невозможно всерьез обсуждать нашу тему, не упомянув доктора Збигнева Карпуса, историка из Торунского университета имени Николая Коперника, и его новаторских работ о польских лагерях военнопленных, прежде всего труда «Русские и украинские военнопленные и интернированные в 1918–1924 годах» (Торунь, 1991). Остается только восхищаться авторским страстным увлечением столь неблагодарной темой. Никаких шансов на признательность поляков, ибо хвалиться нам тут нечем. Сомнительно и то, что тема заинтересует кого-нибудь из соседей, поскольку нет разоблачений геноцида, ибо таковой не имел места. При этом смертность среди военнопленных анализируется с документами в руках, не скрывается ее неестественно высокий уровень.

65 тысяч военнопленных были переданы России после заключения Рижского мира. В обмен на неполных 27 тысяч поляков. Число русских, которые пережили польский плен, но по разным причинам — скажем, из-за участия в военных и политических действиях на стороне белых — не захотели вернуться к своим, может быть определено лишь приблизительно — между 10 и 20 тыс. человек. Я считаю, что это с польской стороны упущение: с помощью Международного Красного Креста, наверно, и в этом случае можно было бы получить достоверную документацию.

Мне неизвестно, чтобы с русской стороны кто-либо компетентно ставил под сомнение выводы доктора Карпуса. Ничего неизвестно мне и о том, чтобы русская сторона представила собственные документированные выводы. Бросать лишь огульные обвинения — дело несерьезное. Обвинения

требуют юридически достоверных вещественных доказательств — таких, какие по делу катынского, харьковского и тверского преступлений почти в течение полувека предъявляла польская сторона.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА С ЯНОМ КАРСКИМ

Ян Карский (1914–2000) — довоенный дипломат, во время войны — узник советских лагерей, затем — легендарный курьер, осуществлявший связь между польским подпольем и эмигрантским правительством в Лондоне; в ходе встреч в 1942 с президентом США Ф.Д.Рузвельтом, членами английского правительства и др. первым передал на Запад достоверную информацию об уничтожении евреев и о концентрационных лагерях на территории Польши. После войны жил в США и преподавал в американских университетах.

*

Я устал от себя самого и от жизни. Я не готовился к старости, и сейчас мне неловко, что я такой старый и некрасивый. Карский перестал меня интересовать больше двадцати лет назад.

О Лодзи и о матери

Я родился в доме 71 по улице Кишинского в 1914 году. Город называли «красной Лодзью». Тогдашний «отец города» Бронислав Земенцкий были личностью легендарной — пилсудчик, социалист, радикал-общественник. Он был близко связан с Пилсудским и говорил, что они доехали вместе до остановки «Независимость», где Пилсудский вышел, а Земенцкий поехал дальше, до остановки «Социальная справедливость» — что бы это ни значило. В городе о нем говорили, что он все еще сидит в этом трамвае и до своей остановки так и не доехал.

Лозунг социальной справедливости был весьма популярен в гимназии имени маршала Пилсудского, где я учился. Но, прежде чем туда попасть, я получил домашнее образование — по программе моей матери Валентины Козелевской, урожденной Гуравской. Старшие братья и сестры уже жили отдельно, и я был у матери единственным подопечным. Дипломов у нее никаких не было, но было мировоззрение, которое меня невероятно привлекало. Во-первых, она боготворила Пилсудского, которого иначе, как «отцом нации», не называла. Мать была по-своему глубоко религиозна: она считала, что Бог для всех один, только по-разному являет себя разным людям. Поэтому в мире существуют различные

религии, церкви, обряды, но Бог — общий. В связи с этим она исповедовала огромную терпимость и горячо уверяла, что Бог требует от нас, чтобы мы были терпимыми по отношению к другим.

Я помню Лодзь такой, как ее показал Вайда в фильме «Земля обетованная». Превосходный фильм. Вайда воссоздал Лодзь действительно такой, какой я ее помню со школьных времен. Этот театр, эти фабриканты, эта роскошь — нередко в дурном вкусе... Ну и сами результаты труда: город практически возник за каких-нибудь 10-15 лет. Пришли тысячи людей — в основном евреи и немцы — и из ничего создали Лодзь.

О себе и о 1939 году

В гимназии я был, что называется, зубрилой — только учился и учился. Уже тогда я мечтал, что стану дипломатом и буду представлять свою страну. Я нисколько не сомневался, что Польша — одна из крупнейших европейских держав. Когда сейчас я об этом вспоминаю, то прихожу к выводу, что был невероятно глуп. Весь набор польских бредней сидел у меня в голове.

Помню, когда я потом уже служил в МИДе, как возмущались чиновники англичанами и французами: вот идиоты, Гитлер их за нос водит, устраивает парады с танками, а ведь танки-то — картонные! Наша разведка доподлинно знает, что они картонные. Мы, поляки, гениальный народ — мы все знаем.

На войну я отправился с «Лейкой» — чтобы фотографировать генералов, когда мы уже будем в Берлине. Какой же я был дурак! За два-три дня я стал нищим: невымытый, вонючий, без гроша в кармане. Продал «Лейку», потом хотел продать именную саблю. Пошел в лавку и говорю: «Так, мол, и так, у меня нет денег, а есть хочется. Эта сабля — историческая реликвия, на ней подпись президента. Пожалуйста, купите. Когда кончится война, я вернусь и выкуплю, а если погибну, то ее любой музей с радостью приобретет». Ответ лавочника я до сих пор помню, слово в слово: «Выбросьте эту чертову гадость в канаву. Как бы беды не накликасть».

О Миколайчике, Циранкевиче и других

Миколайчик был человек тяжеловесный, толстый, простой, необразованный, но необычайно трудолюбивый и упорный. Приехал во Францию — сразу стал учить французский язык, приехал в Англию — английский. Сикорский просидел во Франции 13 лет, а языка так и не выучил. Поляки об этом ничего

не знают. Миколайчик был самоучкой, а кроме всего прочего — реалистом: у него не было иллюзий. В отличие от Соснковского, Андерса, а также и Сикорского. У них важную роль играл не только анализ политической ситуации, но и личные амбиции. Например, Андерс утверждал, что он наверняка знает, что дело дойдет до войны между США и Россией. Миколайчик этого не утверждал, он был реалистом. Некоторые говорят: «Ах, если бы Сикорский не погиб, то вся послевоенная Польша выглядела бы иначе». Чепуха! Если бы Сикорский не согласился на уступки, на которые пошел Миколайчик, то американцы или французы обнаружили бы документы, неопровержимо доказывающие, что Сикорский всю жизнь был фашистом и что доверять ему поэтому нельзя. Говоря объективно, в июле 1944 г. для независимой Польши места не было. Красная армия в погоне за немецкой дошла до границ довоенной Польши. Поляки ожидали, что в этот момент Сталин направит польскому правительству меморандум или нечто подобное: «позвольте мне перейти границу Польши, поскольку это ваша страна. Полная чепуха!

Миколайчик был простой мужик, война застала его, когда он пахал свою малую землю.

Циранкевич был человек образованный, выдающегося ума. Разница в культурном уровне между ними была огромная. Разумеется, надо провести различие: Циранкевич какого периода своей жизни? Я знал его еще до Освенцима. У меня нет ни малейшего сомнения, что в то время Циранкевич был умнейшим поляком, с которым мне довелось встречаться и в Лондоне, и в Польше. Умный, блестящий, мудрый, спокойный, умеющий смотреть вперед — крупнейший государственный деятель. Миколайчика я знал очень хорошо. Я ему доверял, он платил мне тем же. Похожее отношение у меня было и к Циранкевичу, но вот карьеры у них сложились, прямо скажем, по-разному.

Миколайчика я считаю мучеником, политическим мучеником «польского дела». Он пожертвовал собой. Если бы он не вернулся в Польшу (а его все в эмиграции за это критиковали), то на страницах истории (советской, английской, американской) было бы написано, что поляки всегда вели себя глупо: соглашение было возможно, но эти упрямые поляки не желали разговаривать с маршалом Сталиным. Вернувшись в Польшу, Миколайчик доказал: мы сделали всё, абсолютно всё возможное, мы пожертвовали даже своей честью, своей безопасностью. Миколайчику обещали, что он будет премьер-министром, он принял пост вице-премьера, он рисковал

тюрьмой, чтобы засвидетельствовать перед историей: мы сделали всё, чтобы сохранить хоть какую-то независимость. В этом и заключается величие роли Миколайчика. Тогда, в 1945 г., он действительно был вождем польского общества. Польское общество проиграло войну, и Миколайчик проиграл войну.

О Катыни

В апреле 1943 г. я был в Лондоне, когда разразился катынский скандал. Я тогда ежедневно встречался с самыми влиятельными людьми Англии, и все интересовались тем, что делается в Польше. Каждый англичанин, с которым я виделся, говорил: «Знаешь, Карский, может, на этот раз немцы говорят правду, может, это действительно русских рук дело». И сразу после этого каждый из них официально заявлял: «Только вы, поляки, можете быть такими идиотами, чтобы досаждать Сталину. (Тогда ведь еще не было второго фронта). Красная армия — спасительница человечества, а вы осмеливаетесь критиковать Сталина! Только польская сволота может так поступать!» Так говорили те же самые англичане, которые только что утверждали, что немцы не лгут по поводу Катыни.

О Катастрофе

Евреи жили в жутких условиях. У них не было собственного государства, не было регулярных вооруженных сил, не было международного представительства. Они были вынуждены полагаться на третьих лиц, а те были им симпатичны или нет. Карский, надо полагать, был симпатичен, а другие — нет. И если бы официально было объявлено, что военная доктрина будет включать в себя такую цель, как спасение евреев, то Сталин бы взбесился: «Вот гады, все эти черчилли, рузвельты и прочая сволочь! Мы тут сражаемся, миллионы людей бросаем в бой, а эти бездельники даже второго фронта не открывают! И еще нагло заявляют, что защищают евреев, а о русском народе и словечка не пискнут!» Делать что-то в защиту евреев было просто невозможно. Английская и американская разведки прекрасно знали, что происходило с евреями. Наверняка они им сочувствовали, переживали, даже жалели их — но это была всего лишь второстепенная проблема, не имевшая никакого военного значения. Это была война, где гибли миллионы людей и надо было спасать все человечество. А какие-то там евреи? Кому до этого было дело?

О наших границах

До самого конца я верил, что правительство соорудит нам хоть какую-то Польшу. У меня не было ни малейшего сомнения, что

Тернополь, Львов, Вильно нужно списать в убытки, и упираться в этом вопросе было бы просто провокацией. И еще одно, о чем поляки не хотят помнить: не было ни одной англо-американской конференции, посвященной западным границам Польши. Англичане и американцы, наоборот, протестовали: нельзя отдавать Польше эти огромные территории на Западе. Границу на Одере-Нейсе мы получили только по милости Сталина. Он не уступал и настаивал: полякам это полагается. Разумеется, у Сталина были свои планы — он хотел поссорить немцев с поляками на вечные времена. Но западные границы нам обеспечил. И Черчилль, и Рузвельт — все протестовали: «Это просто абсурд — давать Польше границу на Нейсе!» Черчилль кричал: «Я не собираюсь кормить этого польского гуся, он подавится этими территориями!» А Сталин повторял: «Полякам это полагается, они страдали, они сражались». Так что благодаря Сталину у нас такие западные границы.

О встрече с Тувимом

Меня отправили с секретной миссией в США. Профессор Станислав Кот, который тогда был министром информации, поручил мне заодно встретиться с Тувимом, который жил под Нью-Йорком. Кот узнал, что Тувим на каком-то публичном собрании выступал в весьма левом духе, а потом опубликовал статью в прокоммунистической газете. А в то время он получал постоянное пособие от лондонского правительства. Кот сказал мне: «Передайте Тувиму, что правительство у него пособия не отберет, что бы он ни сделал. Это большой поэт, у него доброе сердце. Расскажите ему, как страдает польский народ, что вытворяет Россия, какие у нас на родине гонения. Скажите ему, чтобы он немножко сдерживался. Пусть он о нас — об эмиграции, о правительстве — тоже не забывает». Я отправился к Тувиму и передал то, что сказал Кот. А Тувим оскорбился: он, мол, польский поэт, и для него границы не так уж и важны. Бело-красный флаг, или весь красный, или весь белый — это для него не имеет особого значения. А потом написал: «Моя родина — польский язык».

О патетике и о поляках

Я уже старый человек и перерос всю эту патриотическую риторику. Пришло время посмотреть на все эти вещи честно. А поляки во многих вопросах лицемерят. Особенно если речь идет об их благородстве, самоотверженности, их вкладе в войну: мол, без поляков союзники бы войну наверняка проиграли. Не надо преувеличивать, take it easy.

О 1989 году

Впервые в истории Польши случилось то, что произошло в 1989 году, — случилось чудо. Да поляки должны Господа Бога благодарить, обниматься и друг другу в ноги кланяться. Ни один дом не пострадал, ни единого человека не убили — а такой перелом наступил. Один строй сменился другим. А сегодня люди выступают с упреками, что-де не проводят различия между хорошими поляками и плохими. Чепуха какая! Я вот живу в Америке, и с моей точки зрения высшую награду — орден Белого Орла — должны получить и Валенса, и Ярузельский, и Кищак. Все они вместе осуществили перелом без кровопролития. И слава им всем, и хвала — и левым, и правым. Наконец-то, впервые в истории Польши, поляки проявили разум, доказали, что умеют уважать собственную кровь.

(фрагменты передававшегося по польскому общественному телевидению интервью, проведенного Михалом Файбусевичем)

О МИРОНЕ БЯЛОШЕВСКОМ

Он был поэтом, прозаиком, а также автором текстов для своего собственного, «частного» театра, который организовал вместе с несколькими друзьями у себя дома на Тарчинской улице в Варшаве. Потомственный варшавянин, родившийся в 1922 г., он прожил в этом городе всю войну, трагические дни восстания 1944 г., здесь окончил подпольный курс гимназии. Здесь после войны он год работал сортировщиком писем на почте, потом — в разных газетах журналистом. И здесь он писал стихи. Первый сборник «Вращение предметов» вышел в 1956 г., и тут же критика признала его явлением замечательным, поражающим богатством и смелостью поэтического преобразования языка.

Желая приблизить русского читателя к пониманию той роли, какую сыграл в польской поэзии Мирон Бялошевский, быть может, стоит сослаться на поэзию Велимира Хлебникова, хотя это явления разного порядка. В период, когда творил Хлебников, в Польше не было поэта, который считал бы своей программой создание «заумного языка». Следы увлечения Хлебниковым можно найти в футуристическом эпизоде Александра Вата (1900–1967) или в «Слопевнях» Юлиана Тувима (1894–1953), но в принципе в творчестве польского авангарда межвоенных лет победило направление, выдвинувшее лозунг рационального создания нового поэтического языка, опирающегося на отдаленную метафору и эллипсис (Тадеуш Пайпер, 1891–1969, Юлиан Пшибось, 1901–1970).

После II Мировой войны навязанные жесткие рамки так называемого социалистического реализма принесли нетерпимость к каким бы то ни было экспериментам в области поэтического языка. Даже модель крайнего языкового аскетизма, которую дал в своей поэзии Тадеуш Ружевич (р.1921), была в начале 50-х годов на грани приемлемого цензурой. Бялошевский был ровесником Ружевича, но именно из-за того, что поэзия языкового эксперимента решительно выходила за обязательный канон того времени, он дебютировал позднее, чем многие его ровесники, — тогда, когда корсет соцреализма был в Польше сначала ослаблен, а затем и вообще отброшен. Дебют Бялошевского совпал с дебютом других выдающихся поэтов, которым тогдашний краткий период либерализации — как в области политики, так

и в области искусства — позволил развернуть крылья. Возникло несколько новых поэтических течений, среди которых особенно важную роль играло течение языкового эксперимента, иногда определяемое как «лингвистическая поэзия». Именно здесь Мironу Бялошевскому вскоре предстояло сыграть ведущую роль

В культурных кругах Варшавы (правда, довольно элитарных) Бялошевского как оригинального художника знали еще до книжного дебюта — как одного из создателей вышеупомянутого театра на Тарчинской. В те годы это стало событием, на фоне которого поэтический дебют был уже только подтверждением того, что на небосклоне польской литературы появился художник невероятно оригинальный, открывший в фольклоре предместий богатство языка и нравов, и в то же время философски мыслящий знаток искусства и проницательный наблюдатель реалий обыденной жизни послевоенной Варшавы, встающей из развалин.

Однако вторая книга — «Капризуальное исчисление» (1959) — открыла совершенно новую фазу в творчестве поэта. Фазу более важную, длившуюся значительно дольше — собственно говоря, до конца жизни Бялошевского, умершего в 1983 году. «Капризуальное исчисление», как и ряд следующих его сборников, — это осуществление новой поэтики, резко поразившей многих энтузиастов «Вращения предметов». Если в первой книге царствовало богатство метафорических конструкций, то в позднейших Бялошевский становится поэтом, сознательно использующим бедный, увечный язык, полный разговорных оборотов и прямо невнятных форм высказывания. Он по существу творил собственный язык — интуитивно, как и Хлебников. В этом была и очень личная, осознанно неуклюжая попытка описать мир вещей будничных, повседневных, банальных, обрывки обыденных диалогов с ближайшим окружением, обыденное прозябание — сначала среди развалин сожженной Варшавы, потом в ее новых, наскоро построенных блочных муравейниках, где зоркий взгляд поэта выслеживает и выражает этим нестандартным языком контуры новых межчеловеческих отношений и нового типа социальных связей, а также различные проявления неофициального, приватного. Кто-то назвал его стихи «поэзией рухляди».

В 1970 г. Бялошевский дебютировал как прозаик. И вновь — поразительный дебют. «Дневник Варшавского восстания», сугубо личный, написанный языком крайне индивидуальным, пунктирным и как бы увечным, — это единственный в своем

роде документ. Сперва он вызвал протесты как попытка дегероизации восстания, ибо показывал его не с точки зрения шестнадцатилетних героев, бросавшихся с бутылками бензина под немецкие танки, а глазами гражданского населения, пытавшегося выжить в подвалах разрушенных домов и под сводами костелов. Но скоро «Дневник» был почти единогласно признан произведением, где лучше всего передана атмосфера неопишемого ужаса существования в руинах сражающегося города. Описание бесконечных часов в подвалах, блужданий из района в район, перехода по городской канализации, исхода после поражения восстания ни на миг не теряет черт живого и непосредственного повествования.

После «Дневника Варшавского восстания» Бялошевский опубликовал еще несколько книг прозы. Возникает впечатление, что работа над «Дневником» раскрыла в нем кладовые памяти, побудив как закрепить воспоминания юношеских лет, прожитых в старом варшавском доме, так и записывать текущую жизнь, встречи с людьми, разыгрывающиеся между ними сценки и произносимые диалоги. Об этом говорят сборники «Доносы действительности» (1973), «Шумы, клейки, полосы» (1976), «Распыл» (1980). Автобиографическая и репортажно-предметная основа прозы Бялошевского отчетлива и в книге «Инфаркт» (1977), где пребывание в больнице и санатории подано столь же нестандартно, как и варшавские и пригородные впечатления писателя. Бялошевский изумляет богатством наблюдений за обыденной жизнью своих «серых» героев и языковым новаторством в записях их разговоров, умеет внезапно блеснуть юмором, поразить неожиданностью ситуации. Посмертно изданный сборник стихотворений «Ого!» (1985) укрепляет в уверенности, что Бялошевский создал одну из оригинальнейших концепций современной «антипоэзии», то есть поэзии, которая пишется вопреки всяким традиционным правилам этого рода творчества и в то же время завораживает точностью определений, юмором и парадоксальными формулировками. Горстка не вошедших в «Ого!» поздних стихотворений поэта вместе с необычайно забавными записками в прозе о его последних путешествиях опубликована в посмертной книге «Обкартывая Европу. А А Америка. Последние стихи» (1988). За книгами стихов и прозы Бялошевского проступает чрезвычайно оригинальный образ автора, личность, которую отчасти может ощутить читатель его произведений, но которую невозможно охарактеризовать в рамках краткой заметки. Знавшие поэта, завсегда и его театрика на Тарчинской, многочисленные друзья, бывавшие у

него в гостях, могли бы своими рассказами и анекдотами о Бялошевском заполнить не один живой том воспоминаний.